УДК 811.512.141

DOI: 10.33184/bulletin-bsu-2021.1.28

ЭТИМОЛОГИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ПИЩИ РОДИННОГО ОБРЯДА БАШКИР

© Г. Р. Каримова*, М. Р. Валиева

Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН
Россия, Республика Башкортостан, 450054 г. Уфа, пр. Октября, 71.

Тел.: +7 (347) 235 60 50.

*Email: batir7@yandex.ru

В данной статье описывается ритуальная пища башкир, связанная с деторождением. Многообразие пищи родинного обряда башкир не позволяет охватить все их разновидности. Поэтому проведено этнографическое, лексико-семантическое и этимологическое описание мучной, крупяной и молочной продукции. В рамках настоящей статьи рассматривается как диалектная, так и литературная лексика башкирского языка, дополняя лексические формы из тюркских и монгольских языков. Для сбора наименований обрядовой пищи привлекались различные словари алтайских языков и многотомники башкирского народного творчества по этнографии, фольклору и диалектологии. Авторами подчеркивается особое отношение башкир к маслу, меду, которые принимаются за божественный дар высших сил. Также проведен словообразовательный, лексико-семантический, структурно-семантический анализ названий обрядовой пищи из мучных и крупяных изделий; приведены лексические корреляты из тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков; выявлены три основных лексических пласта. В структурном плане пищевые термины, восходящие к алтайскому пласту, состоят из однокорневых корней. Общетюркский пласт терминов питания образован от отглагольных производных. Собственно башкирский пласт терминов обрядовой еды формировался на основе древнетюркской лексики и деривационного потенциала башкирского языка. Поэтому собственно башкирский пласт представлен множеством сложных слов и изафетными конструкциями, т.е. словосочетаниями, выраженными существительными. Специфика названий собственно башкирских обрядовых терминов питания связана с ментальными особенностями носителей и фрагментами башкирской языковой картины мира.

Ключевые слова: обрядовая пища, родинный обряд, этимология, лексико-семантический анализ, семантико-структурный анализ, тюркские языки, основа, аффикс.

Пища является одним из древнейших видов материальной культуры. С ней связаны многие обычаи, традиции, поверья и представления того или иного народа. Пище и воде люди поклонялись как источнику жизни. Считалось, что продукты питания, определенные их виды, количество или часть, обладают символическим или магическим значением.

Этнографические описания определенных башкирских блюд, напитков даны в исследованиях С. И. Руденко «Башкиры. Историко-этнографические очерки», повседневные и праздничные трапезы башкир описаны Э. В. Миграновой «Башкиры. Традиционная система питания» [10]. Самые ранние фрагментарные сообщения о пище и напитках башкир содержат путевые записки средневековых путешественников. Например, в трудах И. И. Лепехина, П. С. Палласа и И.-П. Фалька [17] содержатся описания некоторых традиционных башкирских кисломолочных продуктов питания.

Обрядовая пища, используемая в башкирских обрядах, и названия освещаются в трудах Ф. С. Аминовой «Термины пищи у башкир в этнолингвистическом аспекте» [1], Н. Ф. Гайнуллиной «Мед в традиционной пище башкир» [6–7], С. Г. Гильмановой «Ареал и структура названий пищи в башкирском языке» [2], С. Г. Гильмановой «Назва-

ния мясных продуктов в говорах башкирского языка» [4], С. Г. Гильмановой «Наименования молочных продуктов в башкирских говорах» [5], Э. Ф. Ишбердина «Термины земледелия в башкирском языке» [9], А. Хабибуллиной «Растительная пища башкир» [34]. В работах указанных авторов нашли отражение следующие названия родинной обрядовой пищи башкир, состоящие из изафетных конструкций: *кендек сәйе* 'пуповый чай', *бәпәй ашы* 'суп младенца', *бәпес бут кайы* 'каша ребенка', *бәпәй бәлеше* 'пирог ребенка', *бәпес коймагы* 'блины ребенка' и др.

В целях обеспечения благополучной, «сладкой» жизни сразу после рождения повитуха мазала губы, щеки, лоб ребенка сметаной, маслом, медом (*каймак, бал, май*). При этом она произносила особые слова-заклинания. Так возникли словесные комплексы-пожелания, направленные на обеспечение благополучной жизни: *'Минең кеүек туж булһын, ауызы тулы бал булһын!'* (Пусть будет сытым, как я, обе руки пусть будут полны масла, рот – полон меда). *'Бер кулың майға, бер кулың балда булһын!'* (Пусть одна рука будет в масле, другая – в меде). *'Ата-әсәң шәфкәтле бул, ошо май кеүек йомшаҡ, бал кеүек тәмле телле бул!'*, *'Ике кулың май булһын, ауызың тулы бал булһын!'*, *'Майҙай йомшаҡ булһын телең! Алдыңдағын ал-*

дырма, артыңдагын калдырма!» (Будь отцу и матери милосердным, мягким, как вот это масло, будь, как мед, сладкоязычным!), 'Пусть будут обе руки в масле, а рот – полон меда!', 'Пусть язык твой будет мягок, как масло! То, что перед тобой, не давай, то, что сзади, не оставляй!') [12]. Этот обряд называется *ауызландырыу* (башлап ризык, бал, май каптырыу); дословно означает 'наделить ребенка ртом'. Термин *ауызландырыу* употребляется во всех диалектах башкирского языка, является словом тюркского происхождения. В этом же значении употребляются термины *беренсе аш* (средн.), *тәүге ризык* (кизил.) 'первая пища, приобщение к еде'.

После обряда *ауызландырыу* (досл. наделение 'ртом') можно выделить обрядовое действие *тәүге имезеу* 'первое кормление грудью': '*Ауызландыргас, балага имсәк биргәндәр. Иң тәүҙә уң яҡ имсәк бисмилла итеп бирелә, шуңан һул яғын биргәндәр. Тәүге имезәндә аҡ бәхеттәр теләп, күкрәк һөтөн баланың битенә, маңлайына, күзенә һөртөргә кәрәк*'. (После 'наделения ртом', ребенку давали грудь. Сперва, говоря 'бисмилла' давали правую грудь, затем – левую. При первом кормлении грудью, желая ребенку счастья, мазали ему молоком матери лицо, лоб, глаза). Термины *ауызландырыу*, *имезеу* тюркского происхождения.

В родинном обряде проводятся празднества: *кендек сәйе*, *еп сәйе*, *исем туйы*, *бишек туйы*, *тәпәй сәйе*, *һырга туйы*, *теш сәйе*, *тел сәйе*. Для этих праздников готовят специальные блюда. Например, *бутка*, *бауырһаҡ*, *коймаҡ*, *йыуаса* и другие блюда, которые готовят с маслом. Каша 'бутка' – крупа – символизирует плодородие, потомственность. Термин *кендек сәйе* употребляется в демском, каридельском, среднем говорах, термины *улан чәйе*, *бала чәйе* встречаются в северо-западном диалекте в гайнинском говоре [12]. В говорах встречаются такие названия этого обряда: *бәпәй сәйе* (кизилск., миасс., сакм.), *бәпес сәйе* (средн.), *бәпәй ашы* (кизилск.), *ул сәйе* 'чай сына', *кыз сәйе* 'чай дочери', *улан чәйе* (гайн.) и т.д.

На праздник *кендек сәйе* 'чай в честь пуповины' готовили *кендек икмәге* 'хлеб в честь пуповины', *кендек күмәсе* 'булочка в честь пуповины' (Зианчур.р.), *кендек коймагы* 'блины к пуповине' (Туймаз.р.) [12]. Например: *бәпәй коймагы*, *бәпес коймагы* 'блины в честь пуповины младенца', *бәпәй бәләше*, *бәпес бәләше* 'пирог для младенца'. На праздник колыбели 'бишек туйы' женщины приносили с собой гостинцы. В основном это был круглый хлеб *икмәк*, который символизировал благополучие, прогнозировал счастливое будущее. Таким образом, обрядовая пища готовилась из мучных изделий *коймаҡ*, *күмәс*, *икмәк*, *шәңкә* (каймакка он бутап, әсе камырға ике иле итеп һалып бешерелә) 'шаньги из муки со сметаной', *муйыл шәңкәһе* 'шаньги с черемухой' (средне-уральск.) и т.д. В сакмарском и тук-соранском говорах встречаются обрядовые блюда *кәлсә*, *жа-*

бартма (мучные блюда) и т.д. Особо почтительное отношение у разных народов было и остается к хлебу, который считается источником и символом жизни, богатства [12]. В северо-западном диалекте в гайнинском говоре родственники приносили *жиләк аш* 'ягодная стряпня'.

На празднике *исем туйы* 'имянаречение' готовили кашу в честь ребенка *бәпес буткаһы*. После чтения муллой азана мужчины расходились, затем в дом роженицы приглашались женщины. В некоторых местах женщины и мужчины угощались в одной комнате, но их разделял занавес – шаршау. Одной из самых почитаемых считалась *бутка* 'каша'. Когда собирали гостей, было ли это связано с рождением ребенка, с коллективной помощью или просто посиделки, всегда на стол ставилась каша как символ щедрости и благополучия.

На празднества – смотрины *бала күреу*, *бала котлау*, *бала туйлап барыу*, (яңы) *тәпәй йыуыу* (южный д.) гости приносили с собой *корот*, *коймаҡ* 'корот, блины' и т.д. В других тюркских языках функционируют аналогичные термины. Например, в татарском языке употребляются термины *бәби ашы кертү*, *котламага бару* – идти с поздравлением [12]. Угощение обычно состояло из печеных мучных изделий. В башкирском языке и его диалектах зафиксированы названия следующих обрядовых угощений: *бәләш*, *кыстыбыл*, *кәлсә*, *коймак*, *күмәс*.

В пищевой лексике родинного обряда немало место занимают термины молочных продуктов и блюд, приготовленных на их основе. В башкирской этнокультуре *һөт*, *май*, *кымыз*, *корот* 'молоко, масло, кумыс, корот' и *бал* 'мед' считаются оберегами. Белый цвет молочных продуктов символизирует чистоту, свет, добро [1; 34], а янтарно-золотистый цвет меда воспринимается как достаток, богатство и благополучие. Возможно, поэтому новорожденному давали или просто клали в рот масло и мед, т.е. проводили вышеописанный обряд *ауызландырыу* 'наделение ртом'.

Происхождение лексемы *бал* 'мед' и названия молочных продуктов башкирского языка восходит к древнетюркскому языку и является общетюркским. В частности, лексемы *һөт*, *корот*, *май*, *бал* этимологизированы во многих словарях тюркских языков и описаны в сравнительно-исторических грамматиках. В «Этимологическом словаре алтайских языков» реконструированы формы этих общетюркских лексем:

**sjüt* 'и' < ПТ **sūt* < общетюрк. *süt* < башк. *һөт* 'молоко';

**majV* < ПТ **bañ* < общетюрк. *май* 'масло';

**male* < ПТ **bal* < общетюрк. *бал* 'мед';

**k̡jóbarV* 'сухой' < ПТ **kūr̡* 'сухой' < общетюрк. *qurt* (*qurut*) < башк. *корот* 'курт (соленое кисло-молочное блюдо, представляющее собой засушенные шарики из творога)' [24]. В

структурном плане названия этих пищевых терминов состоят из однослоговых корней.

Обычно на второй день на праздник *кендек сәйе* ‘чай в честь пуповины’ пекли по особой технологии *кендек икмәге (әпәйе)* ‘хлеб в честь пуповины’. В тесто добавляли свежую сметану или сливки, и хлеб получался очень мягким и пушистым. В башкирском языке имеется несколько названий хлеба: *икмәк, әпәй, әпәк, сәлтәк, сәргә, сө'өр, нан* и т.п. Самые распространенные *икмәк, әпәй, әпәк* восходят к праалтайскому языку. См.:

**ep* ð < ПТ **erej* < башк. диал. *әпәй* ‘хлеб’;

**ite* (~ **eti*) < ПТ **et-mek* ~ др. тюрк. *ötmeç, караханид. etmek, огуз., кыпч. ертек, тур. etmek, ектек; гагау. iekmek, азерб. äppäk; туркмен. ектек, ертек, крым-тат. ектек, етмек, өтмек, тат. iktäk, башк. iktäk, каб.-балк. ötmek, кум. ектек, ног. ötrek, хакас. ирек, шор. итрäk, уйг. ötrök* ‘хлеб’ [24].

В рационе роженицы особое место занимают разные каши, которые готовились на молоке и подавались со сливочным маслом или сметаной. Следует отметить, что *бутка* ‘каша из любой крупы’ – самая обычная и возможно очень древняя обрядовая еда. Как вышеотметили, данную пищу готовили на второй день в честь новорожденного. Кроме этого, часто кашу варят для коллективной трапезы во время обрядов жертвоприношения и пожелания плодородия земле, где участвуют в основном дети и женщины.

Этимология слова *бутка* рассматривается во II томе ЭСТЯ, этимологических словарях М. Р. Федотова, Р. Г. Ахметьянова и др. В этих словарях даны следующие формы: *ботқа/ботко* из кыпчакских языков, *пата, пәтә* из чувашского, *потхы* из хакасского, *ботха* из алтайского, *быдаа* ‘крупяная каша’ из тувинского, *будаан* ‘крупяная каша’ из калмыцкого, *budagan* из монгольского, *buda* ‘густая каша; густая еда’ из монгольского [13]. Следует отметить, что этимон, т.е. первоначальная форма с первоначальной семантикой от которого произошла лексема *бутка*, не выявлен, несмотря на различные предположения лингвистов. Например, Г. Рамстедт и М. Расянен считают, что общетюркская лексема *ботқа* образована от монгольской формы *budagan* и калмыцкой *botxax* в значении ‘размешивать, смешивать, запутывать, рыться, ворошить’, и предполагают исходной частью звукоподражание **bot*. Э. В. Севортян этимологизирует общетюркское слово *ботка* как отглагольное производное **bota* ‘мешать, перемешивать’, образовавшееся с помощью аффикса *-qa* [26]. Последний вариант отражает истину словообразований в тюркских языках, где многие существительные являются отглагольными производными. Также структурно-семантические исследования лексем в поисках этимона позволяют убедиться в том, что самым продуктивным способом словообразования в тюркских языках является аффиксация.

Рассмотрим другие термины питания в родинном обряде, которые также являются отглагольными производными.

Основную часть традиционной пищи родинного обряда составляют мучные продукты. Исследование наименований сдобной мучной продукции позволяет обнаружить их ареальное происхождение. Например, в Поволжье пресные сдобные булочки называются *күмәс, кабартма* ‘пышки, пончики’, *йәймә, кыстыбый* ‘разновидности блинов’ и мн. др. Например, лексема *күмәс* состоит из следующих двух частей: из корня *күб-* ‘вздвигаться’ (ПА форма **kör'ë* – **kör'ï*) + словообразовательного аффикса *-мәс*. Этот аффикс продуктивен в формировании терминов питания. Например, *ыумас* – *ыу+мас* ‘затируха’, *журмас* – *жур+мас* ‘традиционное блюдо из жаренного зерна пшеницы, пшеница, просы, гречихи и т.п.’, *тукмас* – *тук+мас* ‘лапша; вермешель’, *барәмәс* – *барә+мас* ‘вотрушка’ и т.п. В образовании лексемы возникли следующие моменты фонетического строения слова: корень с анлаутной губно-губной звонкой фонемой *күб-* перед аффиксом на губную сонорную фонему *-мәс* изменился под влиянием аффикса (*күм-* + *-мәс* = *күмәс*). По фонетическим принципам словообразования башкирского языка традиционно двойные согласные не наблюдаются в корне исконных лексем.

Собственно башкирские, ареальные и общетюркские названия обрядовой еды связаны со способами приготовления самой пищи. Самый распространенный способ образования наименований пищи следующий: глагол + словообразовательный аффикс выражают результат действия исходной основы. Например, в тюркских языках Поволжья наблюдаются следующие одинаковые термины обрядовой пищи: *кабартма* ‘лепешка из кислого или пресного теста, пончик или пышка, испеченная в виде плоского кружочка’. Образован путем аффиксации: глагол *кабар-* ‘подниматься, вздвигаться (о тесте)’ + *т* ‘словоизменяющий аффикс глаголов побудительного залога’ + *ма* ‘словообразовательный аффикс, образует от глагольных основ имена существительные, обозначающие результат или объект действия, выраженного исходной основой’, данное мучное изделие в виде лепешки, испеченной в масле, выпекают на поминки и на родинные обряды, зафиксировано в кизильском, тук-суранском, среднем, зилимском говорах башкирского языка. В татарском и чувашском языках в составе данной формы губно-губная согласная *б* оглушена и переходит в глухую согласную *п* – *капартма* ‘лепешка’; *йәймә* ‘вид ритуальной лепешки из тонко раскатанного теста из пшеничной муки’, также выпекают во время похоронно-поминальных обрядов, связанных с тремя, семью, сорока днями умершего и на пятничные намазы, имеются однокоренные ареальные

варианты – *жэймэ* (айск., среднеуральск.), *жэйгеч* (гайнск.);

Обрядовая пища *коймак* ‘блины, оладьи’ также является общетюркской формой, образованной от глагола *кой-* ‘лить’ + аффикс *-мак*. Данный аффикс участвует в образовании многих продуктов питания: глагольная форма *ик-* ‘сеять’ + аффикс *мак* ‘хлеб’, *бола+мык* ‘жидкая каша’ и т.п. В «Древнетюркском словаре» зафиксирована форма *қијта* ‘хлебец, приготовленный на жиру с сахаром’ [16].

Другой разновидностью блинов с начинкой является у башкир *кыстыбый*, в татарском языке – *кыстымбый*, в чувашском – *кăстăмпи*, представляет собой обжаренную пресную лепешку, начиненную пшенной кашей, а с недавнего времени и картофельным пюре. По виду напоминает незакрытый пирог или сочень, начинка кладется на одну половину лепешки и закрывается сверху второй половиной. Обычно обмазывают топленым маслом. Считается производным от общетюркской глагольной формы прошедшего времени *кысты* ‘прищипил’, восходящей к древнетюркской форме *qis-*.

Башкиры *көлсә* и *көликмәк* ‘тоненький хлебец из пшеничной муки’ готовили в золе. Для этого убирали весь уголь, дно раскаленного очага подметали мокрой кистью из лыка и пекли пончики, которые получались немного с пикантным вкусом березовой, ольховой или липовой золы. Данное мучное изделие свое название получила благодаря способу приготовления блюда – *көл* ‘зола’ + *икмәк* ‘хлеб’, имеются однокоренные ареальные варианты: *көлгикмәк* (кизил.), *көлгүмәс* (арг., сальют., средн.), *көлсә* (иргиз., ик-сакмар., средн., юмат.), *көлсәк* (средн.), *көләсә* (дим., караид.), *күлчә* (гайн.) и т.п.

Многие мучные продукты приносили соседи и родственники в качестве угощения для роженницы. Самой распространенной обрядовой пищей для молодой мамы можно считать *бауырһаҡ/бауырсаҡ* и его разновидности *сәк-сәк*, *моком*. Без этих лакомых блюд не проводится ни одно праздничное чаепитие у башкир, в т.ч. и смотрины новорожденного. Данное название существует в татарском *бавырсаҡ*, ног. *бавырсаҡ*, сиб.-тат. *пауырсаҡ*, чувашском, казахском *бауырсақ*, киргизском *боорсок*, южно-алт. *боорсок*, узбекском *bog'irsoq*, уйг. *богу(р)сак*, тувинском *боорзак*, монгольском *боорцог*, калм. *боорцок*, таджикском *бусроқ* и т.п.

Наименование обрядового угощения *бауырһаҡ* зафиксировано в «Древнетюркском словаре» в форме *baýırsıq* в значении ‘кишки, внутренности; добрый, мягкосердечный, преданный’ [16]. Однако значение мучного блюда отсутствует. Можем отметить, что это общетюркское наименование основано на метафоре.

В родинном обряде башкир, кроме исконных наименований пищи, бытует лексика, заимствованная из персидского и китайского языков: *шәңкә* ‘шаньга’, *аш* ‘суп, пища, еда, угощение’, *сәй* ‘чай’ и т.п.

По этимологическим исследованиям В. В. Радлова, Г. Й. Рамстеда, Э. В. Севортяна, Р. Г. Ахметьянова и других стало известно, что общетюркское слово, зафиксированное в «Древнетюркском словаре» в форме *аш* ‘еда, пища’ [16], имеет персидские корни [11].

По этимологическим изысканиям Р. Ш. Насибуллина, Н. И. Исанбаева, Л. Ф. Хайрутдиновой и Р. Г. Ахметьянова также название мучного изделия *шәңкә/шәңгә* ‘шаньга’ является персидским заимствованием в тюркских и финно-угорских языках Поволжья [11].

Общеизвестно, что название излюбленного многими тюркскими народами напитка *сәй/шәй* ‘чай’ заимствовано из китайского языка кит. 茶 «чай»; сев.-кит. вариант *čhā, cha*; южнокит. (минь-нань) вариант произношения *tē*. В ряде индоиранских и тюркских языков заимствовано сев.-кит. вариант; ср.: турецк. *çay*, крым.-тат., тат., кирг., алт. *čai* «чай», уйг. *ча*, монг. *čaj*; отсюда - русск., болг., укр., белор. *чай*, сербск. *čaj*, чешск., словацк., словенск. *čaj*, греч. *τσάι*. В то же время южнокит. (минь-нань) вариант произношения 茶 (*tē*) послужил источником западно-европейским названиям чая – франц. *thé*, итал. *tè*, исп. *té*, англ. *tea*, нем. *Tee*, нидерл. *thee*, норв. *te* и др. [24].

Таким образом, в данной статье нами рассмотрены названия основных терминов обрядовой пищи в этимологическом аспекте. Каждая обрядовая пища обозначается определенными терминами, у которых еще не до конца раскрыты этимоны и первоначальные корни, отражающие историю языка. Наши изыскания показывают, что названия обрядовой пищи имеют три исконно эвентуально-генетических страта. Однословные восходят к алтайской эпохе, отглагольные производные относятся к пратюркской эпохе и носят общетюркский и ареальный характер, третий пласт представляет собственно башкирскую номинацию. Последние постепенно локализуются внутри отдельных подгрупп башкирского языка и носят чисто диалектальный характер номинации с ареальной семантикой, также одно и то же название блюда может представлять полисемантику. Также имеются заимствованные пищевые термины, восходящие к персидскому и китайскому языкам, которые распространены во многих тюркских языках или локализуются в определенных группах тюркских языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аминев Ф. С. Термины пищи в этнолингвистическом аспекте // Ядкар. 2001. №1. С. 108–111.
2. Гильманова С. Г. Наименования молочных продуктов в башкирских говорах // Вопросы лексикологии и лексикографии башкирского языка. Уфа, 1983. С. 49–55.
3. Гильманова С. Г. Названия мясных продуктов в говорах башкирского языка // Вопросы диалектологии тюркских языков. Уфа, 1985. С. 131–134.
4. Гильманова С. Г. Ареал и структура названий пищи в башкирском языке // Ареальные исследования по башкирской диалектологии и ономастике Башкирии. Уфа, 1988. С. 36–49.

5. Гайнуллина Н. Ф. Прикладное значение этнографического исследования традиционного питания // Современные этнические и культурно-бытовые процессы у народов Урало-Поволжья и Европейского севера СССР. Устинов, 1985. С. 120–124.
6. Гайнуллина Н. Ф. Мед в традиционной пище башкир // Социальные и этнические аспекты истории Башкирии. Уфа, 1988. С. 75–79.
7. Карабаев М. И., Абдуллина Г. Р. Лексико-синтаксическое словообразование как способ обогащения лексики башкирского языка // Фундаментальные исследования. 2015 (2-2). С. 433–437.
8. Ишбердин Э. Ф. Обзор земледельческой лексики башкирского языка // Актуальные проблемы башкирской лексикологии и лексикографии. Уфа, 1994. С. 18–23.
9. Мигранова Э. В. Хлебная терминология у башкир // Ватандаш. 2019. №4(271). С. 160–165.
10. Ахметьянов Р. Г. Этимологический словарь татарского языка. В 4-х тт. Бирск, 2004.
11. Батыршина Г. Р. Лексика родинного обряда башкир (этнолингвистический анализ). Уфа, 2011. 157 с.
12. Федотов М. Р. Этимологический словарь чувашского языка. Т. 1–2. Чебоксары, 1996.
13. Дialectологический словарь башкирского языка. Уфа, 2002.
14. Толковый словарь современного башкирского литературного языка. Уфа, 2004 и др.
15. Древнетюркский словарь. 1969 – Древнетюркский словарь / ред. В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак. Л.: Наука, ЛО АН СССР, 1969. 677 с.
16. Жилкубаева А. Ш. Лексика питания в тюркских языках (лингвокультурологический аспект): научная монография. Усть-Каменогорск: изд-во ВКГУ им. С. Аманжолова, 2012. 204 с.
17. Лепехин И. И. Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1770 г. СПб., 1802. Ч. 1–3. 338 с.
18. Мигранова Э. В. Башкиры. Традиционная система питания. Историко-этнографическое исследование. Уфа, 2016. (2-е изд., испр. и доп.). 296 с.
19. Нагаева Л. И. Башкирские народные праздники, обряды и обычаи. Уфа, 1999 и др.
20. Султангареева Р. А. Жизнь человека в обряде. Уфа, 2006.
21. Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб., 1773, 1786, 1788. Ч. 1–3. 657 с.
22. Руденко С. И. Башкиры: Историко-этнографические очерки. М.: Наука, 1955. 394 с.
23. Etymological dictionary of the Altaic languages. Leiden, Brill, 2003.
24. ЭСИЯ – В. С. Расторгуева, Д. И. Эдельман. Этимологический словарь иранских языков. Т. I. М.: Восточная литература, 2000. Т. II. М.: Восточная литература, 2003.
25. ЭСТЯ 1974 – Э. В. Севортян. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на гласные. М., 1974.
26. ЭСТЯ 1978 – Э. В. Севортян. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б». М., 1978.
27. ЭСТЯ 1980 – Э. В. Севортян. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Г», «Д». М., 1980.
28. ЭСТЯ 1984 – Э. В. Севортян. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Ж», «Й». М., 1984.
29. ЭСТЯ 1997 – Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «К», «Q» / авт. сл. статей Л. С. Левитская, А. В. Дыбо, В. И. Рассадин. М., 1997.
30. ЭСТЯ 2000 – Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на букву «Q» / авт. сл. статей Л. С. Левитская, А. В. Дыбо, В. И. Рассадин. М., 2000.
31. ЭСТЯ 2003 – Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Л», «М», «Н», «П», «Р», «С» / авт. сл. статей Г. Ф. Благова, Л. С. Левитская, А. В. Дыбо, Д. М. Насилов, Е. А. Поцелуевский. М., 2003.
32. Щербак 1997 – Щербак А. М. Ранние тюркско-монгольские языковые связи (VIII–XIV вв.). СПб, 1997.
33. Хабибуллина А. Р. Традиционная башкирская кухня: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 1997. 27 с.
34. Хабибуллина А. Р. Традиционная башкирская кухня. Уфа, 1998. 124 с.

Поступила в редакцию 01.12.2020 г.

После доработки – 10.02.2021 г.

ETIMOLOGICAL DISCRIPTION OF BASHKIR RITUAL FOOD ASSOCIATED WITH CHILDBIRTH

© G. R. Karimova*, M. R. Valieva

*Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Center of RAS
71 Oktyabrya Avenue, 450054 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia.*

Phone: +7 (347) 235 60 50.

**Email: batir7@yandex.ru*

The authors of the article describe the ritual food of the Bashkirs, which is associated with childbirth. The variety of food of the native rite of the Bashkirs does not allow covering all of their varieties. Therefore, an ethnographic, lexical-semantic, and etymological description of flour, cereals, and dairy products was carried out. Within the framework of this article, both dialectal and literary vocabulary of the Bashkir language is considered, complementing the lexical forms from the Turkic and Mongolian languages. To collect the names of ritual food, various dictionaries of the Altai languages and multivolume books of Bashkir folk art on ethnography, folklore, and dialectology were used. The authors emphasize the special attitude of the Bashkirs to butter and honey, which are taken for the divine gift of higher powers. Moreover, word-formation, lexico-semantic, structural-semantic analyzes of the names of ritual food made of flour and cereals were carried out, as well as comparative analysis of lexical correlates from the Turkic, Mongolian, and Tungus-Manchu languages. As a result, three main lexical layers were identified. Structurally, food terms dating back to the Altai stratum consist of monosyllabic roots. The general Turkic stratum of nutritional terms is formed from verbal derivatives. The Bashkir stratum of ritual food terms was formed on the basis of the ancient Turkic vocabulary and the derivational potential of the Bashkir language. Therefore, the Bashkir stratum itself is represented by many complex words and isafet constructions, i.e. phrases expressed by nouns. The specificity of the names of the actual Bashkir ritual terms of nutrition is associated with the mental characteristics of native-speakers and with the fragments of the Bashkir language picture of the world.

Keywords: ritual food, native rite, etymology, lexical-semantic analysis, semantic-structural analysis, Turkic languages, base, affix.

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at bulletin_bsu@mail.ru if you need translation of the article.

REFERENCES

1. Amineva F. S. Yadykar. 2001. No. 1. Pp. 108–111.
2. Gil'manova S. G. Voprosy leksikologii i leksikografii bashkirskogo yazyka. Ufa, 1983. Pp. 49–55.
3. Gil'manova S. G. Voprosy dialektologii tyurkskikh yazykov. Ufa, 1985. Pp. 131–134.
4. Gil'manova S. G. Areal'nye issledovaniya po bashkirskoi dialektologii i onomastike Bashkirii. Ufa, 1988. Pp. 36–49.
5. Gainullina N. F. Sovremennye etnicheskie i kul'turno-bytovye protsessy u narodov Uralo-Povolzh'ya i Evropeiskogo severa SSSR. Us-tinov, 1985. Pp. 120–124.
6. Gainullina N. F. Sotsial'nye i etnicheskie aspekty istorii Bashkirii. Ufa, 1988. Pp. 75–79.
7. Karabaev M. I., Abdullina G. R. Fundamental'nye issledovaniya. 2015 (2-2). Pp. 433–437.
8. Ishberdin E. F. Aktual'nye problemy bashkirskoi leksikologii i leksikografii. Ufa, 1994. Pp. 18–23.
9. Migranova E. V. Vatandash. 2019. No. 4(271). Pp. 160–165.
10. Akhmet'yanov R. G. Etimologicheskii slovar' tatarskogo yazyka. V 4-kh tt. [Etymological dictionary of the Tatar language. In 4 volumes]. Birk, 2004.
11. Batyrshina G. R. Leksika rodnogo obryada bashkir (etnolingvistikheskii analiz) [Vocabulary of the birth rite of the Bashkirs (ethnolinguistic analysis)]. Ufa, 2011.
12. Fedotov M. R. Etimologicheskii slovar' chuvashskogo yazyka [Etymological dictionary of the Chuvash language]. Vol. 1–2. Cheboksary, 1996.
13. Dialektologicheskii slovar' bashkirskogo yazyka [Dialectological dictionary of the Bashkir language]. Ufa, 2002.
14. Tolkovyi slovar' sovremennogo bashkirskogo literaturnogo yazyka [Explanatory dictionary of the modern Bashkir literary language]. Ufa, 2004 i dr.

15. Drevnetyurkskii slovar'. 1969 – Drevnetyurkskii slovar' [Old Turkic dictionary. 1969 – Old Turkic dictionary] / red. V. M. Nadelyaev, D. M. Nasilov, E. R. Tenishev, A. M. Shcherbak. Leningrad: Nauka, LO AN SSSR, 1969.
16. Zhilkubaeva A. Sh. Leksika pitaniya v tyurkskikh yazykakh (lingvokulturologicheskii aspekt): nauchnaya monografiya [Nutrition vocabulary in Turkic languages (linguoculturological aspect): scientific monograph]. Ust'-Kamenogorsk: izd-vo VKGU im. S. Amanzholova, 2012.
17. Lepekhin I. I. Dnevnye zapiski puteshestviya po raznym provintsiiam Rossiiskogo gosudarstva v 1770 g. [Diary notes of the journey to different provinces of the Russian state in 1770] / Saint Petersburg, 1802. Pt. 1–3.
18. Migranova E. V. Bashkiry. Traditsionnaya sistema pitaniya. Istoriko-etnograficheskoe issledovanie [Bashkirs. Traditional food system. Historical-ethnographic study]. Ufa, 2016. (2 ed., ispr. i dop.).
19. Nagaeva L. I. Bashkirskie narodnye prazdniki, obryady i obychai [Bashkir folk holidays, rites and customs]. Ufa, 1999 i dr.
20. Sultangareeva R. A. Zhizn' cheloveka v obryade [Human life in the rite]. Ufa, 2006.
21. Pallas P. S. Puteshestvie po raznym provintsiiam Rossiiskogo gosudarstva [Journey to different provinces of the Russian state]. Saint Petersburg, 1773, 1786, 1788. Pt. 1–3.
22. Rudenko S. I. Bashkiry: Istoriko-etnograficheskie ocherki [Bashkirs: Historical-ethnographic essays]. Moscow: Nauka, 1955.
23. Etymological dictionary of the Altaic languages. Leiden, Brill, 2003.
24. V. S. Rastorgueva, D. I. Edel'man. Etimologicheskii slovar' iranskikh yazykov. T. I [Etymological dictionary of Iranian languages. Vol. 1]. Moscow: Vostochnaya literatura, 2000. T. II. Moscow: Vostochnaya literatura, 2003.
25. E. V. Sevortyan. Etimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov: Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na glasnnye [Etymological dictionary of Turkic Languages: Common Turkic and Interturkic stems starting with vowels]. Moscow, 1974.
26. E. V. Sevortyan. Etimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov: Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na bukvu «B» [Etymological Dictionary of Turkic Languages: Common Turkic and Interturkic stems starting with letter “B”]. Moscow, 1978.
27. E. V. Sevortyan. Etimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov: Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na bukvu «G», «D» [Etymological dictionary of Turkic Languages: Common Turkic and Interturkic stems starting with letters “G”, “D”]. Moscow, 1980.
28. E. V. Sevortyan. Etimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov: Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na bukvu «Zh», «I» [Etymological dictionary of Turkic Languages: Common Turkic and Interturkic stems starting with letters “Zh”, “Y”]. Moscow, 1984.
29. Etimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov: Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na bukvu «K», «Q» [Etymological dictionary of Turkic Languages: Common Turkic and Interturkic stems starting with letters “K”, “Q”]. avt. sl. statei L. S. Levit-skaya, A. V. Dybo, V. I. Rassadin. Moscow, 1997.
30. Etimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov: Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na bukvu «Q» [Etymological dictionary of Turkic Languages: Common Turkic and Interturkic stems starting with letter “Q”] / avt. sl. statei L. S. Levit-skaya, A. V. Dybo, V. I. Rassadin. Moscow, 2000.
31. Etimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov: Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na bukvu «L», «M», «N», «P», «R», «S» [Etymological dictionary of Turkic Languages: Common Turkic and Interturkic stems starting with letters “L”, “M”, “N”, “P”, “R”, “S”] / avt. sl. statei G. F. Blagova, L. S. Levit-skaya, A. V. Dybo, D. M. Nasilov, E. A. Potseluevskii. Moscow, 2003.
32. Shcherbak A. M. Rannie tyurksko-mongol'skie yazykovye svyazi (VIII–XIV vv.) [Early Turkic-Mongolian linguistic ties (the 8–9 centuries)]. Saint Petersburg, 1997.
33. Khabibullina A. R. Traditsionnaya bashkirskaya kuhnya: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Ufa, 1997.
34. Khabibullina A. R. Traditsionnaya bashkirskaya kuhnya [Traditional Bashkir cuisine]. Ufa, 1998.

Received 01.12.2020.

Revised 10.02.2021.